

Мазохизм и мужская субъективность *

Кэжи Силверман

Перверсия: Отклонение от истинного или правильного; переход к недолжному использованию (ОАК**)

Что есть «истинное» или «правильное», от которых отсчитывается это отклонение, и что значит «недолжное использование»? *Оксфордский английский словарь* некоторым образом отвечает на эти вопросы, когда приводит в качестве иллюстрации слова Френсиса Бэкона: «Женщины управляют мужчинами. .. рабы - свободными..., что является полным нарушением и извращением законов природы и людей» («Women to govern men... slaves freemen... being total violations and perversions of the laws of nature and nations»). Согласно этой грамматически «девиантной» цитате, перверсия есть отклонение как от биологии, так и от социального порядка, и она становится таковой через недолжное использование или отрицание бинаризов, на которых основывается любая система, - бинаризов, взаимно крепящих друг друга не только в социально-классовом, но и в тендерном пространстве. «Истинное» или «правильное», ниспровергаемое при таком использовании, есть исходный принцип иерархии.

Во фрейдовском описании феномена перверсии также подчеркивается его девиационный и децентрированный характер. Перверсии, пишет он в *Трех*

© Blackwell Publishers Ltd., 2002

Перевод Ивана Кривушина выполнен по изданию Silverman, K. «Masochism and Male Subjectivity», in *The Masculinity Studies Reader*, R. Adams and D. Savran ed., (Bodmin, Cornwall: MPG Books Ltd.), p. 21-40.

* Выдержки из книги Silverman, K. *Male Subjectivity at the Margins* (New York; London: Routledge, 1992), p. 185-206, 208-210, 413-416.

** Оксфордский английский словарь (*Oxford English Dictionary*) - нормативный толковый словарь английского языка в 12 томах; впервые издан в 1928 (прим. пер.).

очерках по теории сексуальности, «представляют собой или: а) выход за анатомические границы частей тела, предназначенных для полового соединения, или б) остановку на промежуточных отношениях к сексуальному объекту, которые в норме быстро исчезают на пути к окончательной сексуальной цели¹. Здесь с полным пренебрежением к западной метафизике «истинное» или «правильное» понимается лишь как гетеросексуальное соитие. Все иные формы сексуального акта относятся либо к категории «предварительных ласк» (*fore-play*), когда они строго подчинены «цели получения удовольствия», либо к перверсиям.

Коитус «в идеале» является воспроизведением в миниатюре истории детской сексуальности, истории, которая начинается с орального удовлетворения и кульминирует в половом влечении к объекту противоположного поля. Здесь также субъект должен направлять свое внимание на финальный момент и проходить как можно быстрее все предварительные стадии. Но в обоих случаях перверсия возникает как искушение приобщиться к иному типу эротического нарратива, чья организация является в большей степени случайной и паратактической, чем направленной и гипотактической; такая форма предпочитает предварительное удовольствие финальному и не концентрирует внимание на акте освобождения. Поскольку любой внешний или внутренний орган способен стать эрогенной зоной, сексуальность не обязательно ограничивается тремя стадиями, которые Зигмунд Фрейд установил для мальчиков, и четырьмя, установленными им для девочек. Детская сексуальность есть полиморфная перверсия, и даже в эротической деятельности самых «нормальных» взрослых остаются «элементы, развитие которых ведет к отклонениям, которые были описаны как перверсии»².

Я не собираюсь утверждать, что полиморфная сексуальность более «естественна», чем сексуальность половая. Не существует ни одной формы человеческой сексуальности, которая не маргинализировала бы потребность в подлинном и живом объекте или не заменяла бы его воображаемым. Как объясняет Жан Лапланш, «Сексуальность... - это локализованное аутоэротическое удовольствие, удовольствие от конкретного органа, в противовес функциональному удовольствию; последнее подразумевает процесс движения к цели... Таким образом, естественный функциональный ритм (ритм полового возбуждения) нарушается, когда где-то возникает иной порядок следования, который невозможно осознать, не задействовав такие категории, как подавление, воспоминание, продумывание, "отсроченное действие"»³.

Понятие «отсроченное действие» особенно уместно при нашем анализе, поскольку детская сексуальность обретает нарративную целостность «стадий», когда начинаешь рассматривать ее с точки зрения Эдипова комплекса. Понятие «перверсия» также можно осмыслить только в контексте Эдипова комплекса, поскольку оно выводит весь свой смысл и важность из своего отноше-

ния к этому структурирующему моменту и из той значимости, которую оно придает генитальной сексуальности. Здесь можно было бы, хотя и не совсем точно, назвать детскую сексуальность «полиморфной перверсией», ибо сексуальность становится перверсией только там, где она оказывается или отклонением от Эдиповой структуры или же нарушением того, что та предписывает. Перверсия всегда несет на себе след Эдипа - она всегда в определенной степени организована тем, что она же и ниспровергает.

Авторы, рассматривающие тему перверсии в теоретическом ключе, обычно абсолютизируют один аспект в ущерб другим. Для Мишеля Фуко, который занимает одну из крайних позиций, перверсия не имеет никакого ниспровергающего оттенка; она просто служит для расширения пространства, где реализуется сексуальная энергия. Он настаивает в *Истории сексуальности*, что «полиморфные виды поведения на самом деле обуславливаются телесным в людях и их удовольствиями» по типу «паноптикума», то есть, что перверсия «извлекается, обнаруживается, изолируется, усиливается и инкорпорируется через разнообразные энергетические механизмы»⁴. На противоположном полюсе находится один из номеров *Семиотекста*⁵, посвященный многообразию видов сексуальности, где с неистовой неутомимостью нагромождается извращение на извращение в тщетной попытке навсегда похоронить Эдипа. Но ни та, ни другая позиция не передает сложности поставленных проблем.

По иронии судьбы, именно Жанин Шасге-Смиржель, которая в своей весьма язвительной книге встает на защиту отца, «зрелой» сексуальности и стойко обороняющегося «Я», кажется, лучше всего почувствовала вызов, который перверсия бросает символическому порядку. Она предостерегает: «Извращенец пытается высвободиться из отцовского пространства и пут закона. Он хочет создать новый вид реальности и ниспровергнуть Бога-Отца»⁶. Трактовка перверсии у Ж. Шасге-Смиржель подразумевает, что значение этого феномена выходит за пределы собственно сексуального пространства (если такое пространство вообще когда-либо существовало в действительности), то есть, перверсия оказывается отклонением не только от иерархии и генитальной сексуальности, но и от патерналистской знаковой системы, высшей инстанции «истинного» и «правильного». Как я попытаюсь продемонстрировать ниже, при анализе мазохизма, в некоторые моменты перверсия может представлять собой столь радикальный вызов сексуальной дифференциации, что она начинает точно соответствовать сценарию, осуждаемому Ф. Бэконом.

Теоретический интерес к проблеме перверсии шире вопроса о разрушительном влиянии, которое она оказывает на тендерные отношения. Перверсия лишает сексуальность любой функциональности - как биологической, так и социальной; в гораздо более экстремальной форме, чем «нормальная сексуальность», она использует тело и предметный мир таким способом, который не имеет ничего общего ни с одним видом «имманентного» намерения или цели.

Помимо того, перверсия ниспровергает многие из тех бинарных оппозиций, на которых покоится социальный порядок: она нарушает границу, отделяющую пищу от экскрементов (копрофилия), человеческое от животного (скотоложе-ство), жизнь от смерти (некрофилия), взрослого человека от ребенка (педерастия) и наслаждение от боли (мазохизм).

Конечно, не все виды перверсии в равной степени деструктивны или хотя бы вызывают равный интерес. К сожалению, хотя это и не удивительно, перверсия, приковавшая к себе основное внимание литераторов и теоретиков - садизм - является как раз самой совместимой с общепринятой гетеросексуальностью. (Первое, что З. Фрейд говорит о садизме в *Трех очерках*, так это то, что «сексуальность большинства мужчин содержит примесь агрессивности, склонности к насильственному преодолению». Он добавляет, что «биологическое значение» этого сочетания, «состоит, вероятно, в необходимости преодолеть сопротивление сексуального объекта еще и иначе, не только посредством актов ухаживания. Садизм в таком случае соответствовал бы ставшему самостоятельным, преувеличенному, выдвинутому благодаря смещению на главное место агрессивному компоненту сексуального влечения»⁷. В работе *Я и Оно* З. Фрейд, трактуя садизм, описывает соединение в нем жестокости и эротизма как «устойчивый бессознательный сплав»⁸). Творчество маркиза де Сада имеет огромный интеллектуальный престиж - нечто немислимое для романов Леопольда фон Захер-Мазоха, спасенного из забвения Жил ем Делезом⁹. Об этом говорят не только труды Жоржа Батая¹⁰, Ролана Барта¹¹ и Джейн Геллоп¹² но и специально посвященные Саду два номера журнала *Облик (Obliques)*¹³, которые включают, кроме прочих, статьи¹ Жана Бенуа, Пьера Клоссовски¹¹, Мориса Бланшо¹¹¹, Алена Роб-Грийе^{1v}, Филиппа Соллерса^v, Жана Полана^{vi}, Андре Бретона^{vii}, Андре Пьейра де Мандьярга^{viii}, Андре Массона^{ix} и Феликса Лабисса^x.

- I «Андрогин в презентации Сада» П. Клоссовски (*L'androgynie dans la representation sadienne*), «Сад и пикантное» (*Sade et lejoli*) А. Роб-Грийе, «Разочарование Сада» Ж. Полана (*La duseption de Sade*) и т.д.
- II Клоссовски Пьер (1905-2001 гг.) - французский писатель-романист; его главная работа о Саде — *Сад, мой ближний (Sade mon prochain; 1947 г.)* (прим. пер.).
- III Бланшо Морис (1907-2003 гг.) - французский писатель, романист и эссеист; его главная работа о Саде - *Лотреамон и Сад (Lautreamont et Sade; 1949 г.)* (прим. пер.).
- IV Роб-Грийе Ален (род. 1922 г.) - французский писатель-романист; посвятил Саду работу «Порядок и его двойник» (*L'ordre et son double; 1976 г.)* (прим. пер.).

Главный предмет нашего эссе - перверсия, которую чаще других связывают с садизмом, иногда как его компонент или же как его бессознательную противоположность. Я, конечно, имею в виду мазохизм¹⁴, определяемый З. Фрейдом то как чрезвычайно опасное либидинальное нарушение¹⁵, то как одно из «самых легких»¹⁶.

Три вида мазохизма

В работе *Экономическая проблема мазохизма*, где рассматриваются многие аспекты этой перверсии, З. Фрейд выделяет три ее формы: «эрогенную», «женскую» (фемининную) и «моральную»¹⁷. Однако, как только границы между этими формами устанавливаются, они сразу же начинают размываться. Эрогенный мазохизм, определенный З. Фрейдом как «наслаждение от боли», оказывается физиологической основой для фемининного и морального мазохизма. Это трехчастное деление, таким образом, весьма быстро открывает путь к одному из тех столь любимых З. Фрейдом дуализмов, когда фемининная и моральная формы мазохизма «просачиваются» друг в друга в точке, в которой каждая соприкасается с мазохизмом эрогенным.

Определение «эрогенный» З. Фрейд обычно прилагает к термину «зона», которым он обозначает часть тела, где концентрируется сексуальное возбужде-

v Соллерс Филипп (род. 1936 г.) - французский писатель-романист; его главная работа о Саде - «Сад против Высшего существа» (*Sade contre l'Être supreme*; 1992 г.) (прим. пер.).

VI Полан Жан (1884-1968 гг.) - французский писатель и литературный критик; автор эссе «Маркиз де Сад и его сообщница» (*Le marquis de Sade et sa complice, ou les Revanches de la pudeur*; 1951 г.) (прим. пер.).

vn Бретон Андре - французский поэт и прозаик, основатель сюрреализма, направления, для которого Сад стал одной из самых знаковых фигур (прим. пер.).

vnl Мандьярг Пьейр де (1909-1991 гг.) - французский поэт, романист и эссеист; об интерпретации им Сада см.: Kober, M. «Eros est un dieu noir. Mandiargues et Sade», *Europe*, 1988, no. 835-836, p. 87-89.

IX Масон Андре (1896-1987 гг.) - французский художник-сюрреалист, иллюстратор произведений Сада; автор работы «Заметки о воображении Сада» (*Notes sur l'imagination sadique*; 1947 г.) (прим. пер.).

x Феликс Лабисс (1905-1992 гг.) - французский художник, театральный декоратор и иллюстратор (прим. пер.).

ние. Следовательно, в понятии «мазохизм», будь то фемининный или моральный, кажется, имплицитно присутствует опыт телесного наслаждения или -чтобы быть более точным - телесного наслаждения от боли. Такое уточнение не порождает каких-либо реальных концептуальных трудностей относительно первой из этих категорий; эрогенный мазохизм, кажется, находится буквально «в нижней части» (*at the bottom*) мазохизма фемининного, который З. Фрейд ассоциирует с фантазиями быть связанным и избитым и с желанием, чтобы с тобой «обращались, как ... со скверным ребенком»¹⁸. Гораздо менее ясно, вправе ли мы говорить, что моральный мазохизм имеет обязательный физиологический субстрат, если вспомнить, что «Я» для З. Фрейда - это «прежде всего "телесное Я"»¹⁹; или, как Джеймс Стречи толкует в своем комментарии к фрейдовскому тексту, «проистекающее из телесных ощущений, главным образом из тех, которые возникают на поверхности тела»²⁰. Если, как предполагается в *Экономической проблеме мазохизма*, «настоящий мазохист всегда подставляет щеку там, где видит возможность получить удар»²¹, щекой морального мазохиста оказывается «Я». Речь идет о выборе эрогенной зоны, места, по которому он или она желает получить удар.

Любопытно, что, охарактеризовав фемининный мазохизм как тот, который «легче всего доступен нашему наблюдению»*, З. Фрейд заявляет, что из-за находящегося в [его] распоряжении материала, он ограничит свой анализ этой формы либидинальной организации исключительно пациентами-мужчинами²². Вывод очевиден: фемининный мазохизм есть специфически мужская патология, названная так потому, что она ставит страдающего ею в положение женщины. З. Фрейд, действительно, говорит следующее: «Если же возникает возможность изучить те случаи, в которых мазохистские фантазии испытали особенно богатую разработку, тогда легко сделать открытие, что они перемещают мазохиста в ситуацию, характерную для женственности, т.е. обозначают [его превращение в] существо кастрированное, выступающее объектом коита, рождающее. Поэтому я и назвал мазохизм в этом его проявлении женским, как бы *apotiori***», хотя столь многие его элементы отсылают к детскому периоду жизни»²³.

Читатель, возможно, здесь возразит, что всего пятью годами ранее З. Фрейд четко идентифицировал фантазию битья преимущественно с женщинами. (Из шести пациентов, на материале которых основана его работа *Ребенка бьют*, -четверо женщин и только двое мужчин)²⁴. Начиная с *Трех очерков* вплоть до

* Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Экономическая проблема мазохизма*, с. 352.

** По преобладающему признаку (лат.) (прим. пер.).

Новых вводных лекций З. Фрейд констатировал, несмотря на некоторые существенные оговорки, наличие связи между фемининностью и мазохизмом²⁵. Однако *Экономическая проблема мазохизма* — не единственная крупная работа о мазохизме, фокусирующая внимание в первую очередь на пациентах-мужчинах. Рихард фон Краффт-Эбинг, назвавший эту перверсию «мазохизмом» (причем по имени мазохиста-мужчины - Л. фон Захер-Мазоха) и давший ему первое определение, приводит тридцать три случая мужского мазохизма и только четыре женского²⁶. В работе *Мазохизм в сексе и обществе* Теодор Рейк пришел к сходным результатам и сделал вывод, что «мужской пол более подвержен мазохизму, чем женский»²⁷. В своем исследовании проблемы жестокости, материалом для которой послужили романы Л. фон Захер-Мазоха, Ж. Делез сконструировал теоретическую модель мазохизма, в которой страдательная позиция практически неизбежно мужская. Как же решить вопрос об этой аномалии, отталкиваясь из которой, З. Фрейд называет «фемининным» психическое расстройство, чьей жертвой оказываются преимущественно мужчины? Хотя идея Т. Рейка, что мужчины в большей степени мазохисты, чем женщины, представляется мне спорной, я, тем не менее, полагаю, что лишь в случае с мужчинами фемининный мазохизм может рассматриваться как приобретающий патологическую форму. Несмотря на то, что этот психический феномен нередко становится главным структурирующим элементом как мужской, так и женской потребности в подчинении, только в случае с женщиной его можно признать неопасным. Он является признанным и действительно необходимым компонентом «нормальной» женской потребности к подчинению, обеспечивая ключевой механизм для эротизации ущемленности и покорности. Мужчина-субъект, напротив, не может признаться в фемининном мазохизме, не подвергая сомнению свою маскулинную идентичность. Все это еще раз подтверждает, что то, что приемлемо для женщины-субъекта, является патологией для субъекта-мужчины. З. Фрейд часто указывает на это, говоря нам, что если фантазию битья можно без труда согласовать с *позитивным* Эдиповым комплексом у маленькой девочки, то применительно к мальчику ее можно вместишь только в рамки *негативного* Эдипова комплекса²⁸. Иными словами, фемининный мазохизм всегда предполагает страстное влечение к отцу и идентификацию с матерью-ситуацию, которая нормативна для женщины-субъекта и «девиантна» для субъекта-мужчины.

Разрушительные последствия мужского мазохизма подчеркиваются и в необычном отрывке из работы Т. Рейка, где проводится различие между мазохистскими фантазиями женщин и мужчин: «По сравнению с мужским мазохизмом, мазохизм женщин выглядит несколько смягченным, так что можно даже говорить о его анемичном характере. Он представляет собой не столько вторжение на вражескую территорию, сколько нарушение рамок буржуазной благопристойности, которое, правда, никем не осознается. Мазохистская фанта-

зия женщины очень редко достигает стадии животной страсти, экстаза, как это происходит в случае с мужчиной. Даже оргия в фантазии не становится столь чудовищно извращенной. В ней нет ничего от неистовости прикованного Прометея, скорее нечто от покорности Ганимеда. Здесь совсем не чувствуется ураганного характера, который часто ассоциируется с мужским мазохизмом, этой слепой безудержной жаждой самоуничтожения. Мазохистская фантазия женщины характеризуется уступчивостью и готовностью к капитуляции, в отличие от стремительного напора, оргиастического нагнетания, самозабвения мужчины»²⁹. Т. Рейк тем самым дает понять, что женщина-мазохистка даже в клиническом варианте не выходит в реальности за рамки свойственного ей стремления к покорности; она просто натягивает его удила. Напротив, мужчина-мазохист полностью изменяет своей социальной идентичности - по сути дела отказывается от своего «Я» - и переходит на «вражескую территорию» фемининного. Ниже я буду подробнее говорить о «разрушительных»³⁰ качествах мужского мазохизма; здесь же ограничусь замечанием, что сексуальные фантазии, процитированные Т. Рейком, как и данные, приведенные Р. фон Краффт-Эбингом, в полной мере подтверждают такую характеристику.

Выясняется, что фемининный мазохизм имеет столь же мало общего с женщинами, как и моральный мазохизм - с добродетелью. Хотя моральный мазохист, кажется, находится под властью какой-то сверхчувствительной совести, его или ее желание наказания оказывается настолько сильным, что порождает постоянное искушение совершать «греховные» поступки, которые затем должны быть «искуплены». З. Фрейд предупреждает, что моральный мазохизм на самом деле способен совершенно поглотить совесть, извратить ее изнутри³¹. Эта незримая диверсия реализуется через полное реверсирование процесса, посредством которого Эдипов комплекс был до этого «растворен», то есть реверсирование операции, позволяющей интернализировать отцовский зов и имаго как «Сверх-Я». Выводя эротическое удовлетворение из цензуры и наказания «Сверх-Я», морально-мазохистское «Я» не только занимает положение, аналогичное положению, занимаемому его или ее более явным «фемининным» партнером в фантазии или в реальной сексуальной практике, но и воскрешает Эдипов комплекс³².

Знаменательно, что с новой интенсивностью реактивируется та форма Эдипова комплекса, которая является позитивной для женщины-субъекта, но негативной для субъекта-мужчины, - та форма, которая ориентирована на страстное влечение к отцу и идентификацию с матерью. З. Фрейд совершенно определенно говорит об этом: «Мы смогли перевести выражение «бессознательное чувство вины» как потребность в наказании от рук какой-то родительской силы. Теперь мы знаем, что столь часто встречающееся в фантазиях желание быть избитым отцом стоит весьма близко к другому желанию - вступить с ним в пассивную (женскую) сексуальную связь, - и является не чем иным, как его

регрессивным искажением. Если вложить это объяснение в содержание морального мазохизма, то нам станет ясен его тайный смысл»³³. Таким образом, посредством морального мазохизма «Я» оказывается объектом избиения/любви со стороны отца - ситуация, опять же «нормальная» для женщины-субъекта, но «а-нормальная» для субъекта-мужчины.

В результате, может показаться, что моральная и фемининная формы мазохизма развиваются, если использовать термин Жана Лапланша и Жана-Бер-нара Понталиса³⁴, из точно такого же «фантазматического», то есть бессознательного структурирования сценария или действия. Однако моральный мазохист не обращает внимания на страсть к самоуничтожению, которая яростно пылает внутри него; З. Фрейд отмечает, что если садизм «Сверх-Я» «по большей части оказывается кричаще сознательным», мазохистская тенденция «Я», «как правило, остается скрытой от субъекта и должна раскрываться из его поведения»³⁵. С фемининным мазохистом, напротив, фантазия битья принимает очертания, поддающиеся если не рациональному анализу, то хотя бы осознанию.

Позвольте мне далее рассмотреть более обстоятельно эти две категории мазохизма и формы, которые они обретают как в сознании, так и в подсознании.

Моральный мазохизм

С откровенностью, которая скорее пугает, чем привлекает, З. Фрейд признает в *Я и Оно*, что в определенных обстоятельствах «Сверх-Я» стимулирует «чистую культуру смерти [побуждение]»³⁶. Чем сильнее эта психическая сущность, то есть чем глубже была подчиненность субъекта запрету и ограничению, тем больше возможность, что «Я» будет доведено до крайней точки. В моральном мазохизме «Сверх-Я» приобретает гигантские размеры, но даже при гораздо более благоприятных условиях его давление и жесткость оказываются столь значительными, что дают серьезные основания сомневаться в «здоровье» субъекта, особенно тогда, когда речь идет о субъекте, о котором можно сказать, что он занимает доминирующее или контролирующее положение. Поскольку обычная потребность в подчинении довольно тесно соприкасается с моральным мазохизмом, я намереваюсь, прежде чем вновь обратиться к ее патологическому корреляту, кратко обследовать ее сквозь призму поздней фрейдовской топографии.

Напомним, что «Сверх-Я» представляет собой посредника, благодаря которому нейтрализуется Эдипов комплекс, однако воздействие последнего продолжает неявно иметь место. «Сверх-Я» формируется через фантазматическое конструирование и интроекцию (вкладывание) того, чем невозможно обладать в реальности и от чего, следовательно, должно отказаться, - родителей. Этот

процесс интроекции весьма сложен; З. Фрейд в *Я и Оно* скорее намекает на него, чем дает ему точное определение, но в *Новых вводных лекциях по психоанализу* он несколько проясняет его³⁷. Этот процесс развивается из двух систем отношений, одна из которых синонимична позитивному Эдипову комплексу, а другая эквивалентна негативному Эдипову комплексу; к этому вопросу я в свое время вернусь. «Сверх-Я», как кажется, также предполагает два разных типа интроекции, один из которых я охарактеризую как «образный», а другой как «символический». Я понимаю под «образной интроекцией» психический процесс, посредством которого некогда любимые образы используются для самого себя как субъективные модели или примеры, то есть когда формируется такой образ или группа образов, в которых «Я» видит в себе то, что ему хочется видеть. С другой стороны, символическая интроекция обозначает психический процесс, посредством которого субъект подчиняется Закону и Действующему под именем Отца. Хотя категория «Сверх-Я» включает, по З. Фрейду, оба вида интроекции, она скорее обозначает продукт символической интроекции. В то же время результатом образной интроекции является, строго говоря, «Я-идеал».

Поскольку субъект обычно проходит как через негативный, так и через позитивный Эдипов комплекс, он или она в результате этого комплекса оказываются задействованными в двух системах идентификации: то с имаго матери, то с имаго отца³⁸. Одна из этих идентификаций обычно гораздо сильнее, и она стремится затмить другую. Если все происходит согласно культурному плану, более сильная идентификация соответствует позитивному Эдипову комплексу. Тем не менее, каждая из них играет роль в пространстве, которое они формируют внутри «Я», в пространстве, описанном З. Фрейдом как «Я-идеал» или «Сверх-Я», но которому больше подходит первое из этих наименований.

По моему мнению, «Я-идеал» не эквивалентен «Сверх-Я», но представляет лишь одну его сферу или функцию, а именно тот «лик» каждого родителя, который вызывает скорее любовь, чем страх. Он выражает идеальную идентичность, к которой стремится «Я» и, исходя из которой, он постоянно оценивает себя, но которая всегда оказывается для него недостижимой. Это зеркало, в котором субъект хотел бы видеть себя отраженным, вместилище всего, чем он восхищается.

З. Фрейд доказывает в *Я и Оно*, что интроекция этих родительских образов десексуализирует их, причем позитивный Эдипов комплекс сводит на нет выбор объекта негативного комплекса, а негативный Эдипов комплекс - выбор объекта позитивного комплекса. Иными словами, страстное влечение к отцу открывает путь к идентификации с ним, а страстное влечение к матери - к идентификации с ней: «...идентификация с отцом удерживает объект-мать позитивного комплекса и одновременно заменяет объект-отца обратного комплекса; аналогичные явления имеют место при идентификации с матерью»³⁹.

Эта десексуализация имеет серьезные последствия для «Я», ибо приводит к снижению чувственной напряженности: когда объект-либидо заменяется нарциссическим либидо (то есть когда любовь замещается идентификацией), агрессия, которая прежде примешивалась к объект-либидо, также утрачивает свою ценность и обращается на самого субъекта. Выйдя из защитного поля эроса, эта агрессия оказывается под властью «Сверх-Я», которое направляет ее против «Я»⁴⁰.

З. Фрейд высказывает ряд очень противоречивых соображений по поводу тендерной принадлежности «Сверх-Я». В работе *Я и Оно* ученый в некоторых случаях ассоциирует его с обоими родителями, как мы это уже увидели, но в других связывает его исключительно с отцом. В одном весьма важном отрывке, где он особо подчеркивает отцовскую идентичность «Сверх-Я», З. Фрейд ссылается на «двуликость» этой психической сущности, которую он приравнивает к двум взаимоисключающим императивам: «Ты должен быть таким же (как отец)» и «Таким (как отец) ты не смеешь быть, т.е. не смеешь делать все то, что делает отец; некоторые поступки остаются его исключительным правом»⁴¹. Первый из этих императивов явно вытекает из «Я-идеала», чья функция - стимулировать подобие между ним и «Я», но откуда же появляется второй императив?

Он рождается, как свидетельствует фрейдовское указание на «двуликость», из другого компонента «Сверх-Я», чья тендерная принадлежность гораздо более четко делимитирована, чем у «Я-идеала». Этот другой компонент возникает благодаря интроекции скорее символического отца, чем его воображаемого двойника - через интернализацию отца как Закона, как Бдящего Ока, как Голоса Свыше. Этот элемент «Сверх-Я» не обязательно связан с каким-либо реальным лицом, но его гендер неизбежно маскулинный, по крайней мере в рамках настоящего социального порядка. Совершенно естественно, что это - отцовская функция, а «Я» всегда и изначально виновно по отношению к нему, виновно уже в силу Эдипова желания.

С точки зрения двойного родительского комплекса, провоцирующего ожидание, что оба родителя должны участвовать в создании «Сверх-Я», любопытно утверждение З. Фрейда в *Я и Оно*, что эта сущность всегда является «заменителем страстного влечения к отцу»⁴². Из контекста, в котором ученый делает это наблюдение, явствует, что речь идет не о «Я-идеале», но о том, что в самом строгом смысле этого слова есть «Сверх-Я». З. Фрейд добавляет, что «Я-идеал» «в качестве заменителя страстного влечения к отцу... содержит в себе зерно, из которого выросли все религии», и выносит «суждение о собственной недостаточности при сравнении «Я» со своим идеалом»*. Этот отрывок из *Я и Оно*, следовательно, содержит ошеломляющий подтекст. З. Фрейд

* Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Я и Оно*, с. 439 (прим. пер.).

дает понять, что реальной проблемой, возникающей при разрушении мужского Эдипова комплекса (что и побуждает ученого столь упорно настаивать на окончательном его исчезновении) становится *гомосексуальная склонность к отцу* мужчины-субъекта. Связь мужского «Я» с «Сверх-Я», кажется, вырастает из романа между отцом и сыном (и «в идеале» уничтожает его) - или, если быть более точным, из либидинальной организации негативного Эдипова комплекса, крепящейся на страстном влечении к отцу и на идентификации с матерью⁴³.

Проблема оказывается еще более острой, чем это было показано выше. То положение, в которое помещают мужчину-субъекта, фундаментально невозможно, и это связано с саморазрушающейся структурой Эдипова императива. Единственный механизм, с помощью которого сын может преодолеть свое страстное влечение к отцу, заключается в превращении объекта-либидо в нарциссическое либидо, в ходе которого делается попытка *стать* (символическим) отцом. Однако эта метаморфоза является именно тем, что «Сверх-Я» запрещает, предписывая: «Ты должен быть таким же (как отец)» и «Таким (как отец) ты не смеешь быть, т.е. не смеешь делать все то, что делает отец; некоторые поступки остаются его исключительным правом». Отцовский закон, тем самым, способствует как раз тому, что его суровость призвана предотвратить, - противоречие, которому приходится выполнять функцию постоянного побудительного мотива для восстановления негативного Эдипова комплекса.

В такой перспективе не стоит удивляться, что связь «Я» со «Сверх-Я» подвергается сексуализации; эрос, в действительности, всегда рядом. Но какую форму принимает эта «сексуальность»? З. Фрейд не оставляет нас в сомнении по этому конкретному вопросу. В *Неудобствах культуры* он описывает ситуацию, где «Я» получает наслаждение от боли, причиняемой ему «Сверх-Я», где страх наказания уступает место желанию наказания, а жестокость и кара символизируют любовь: «Чувство вины, суровость «Сверх-Я», таким образом, есть то же самое, что и строгость совести: это - присущее «Я» ощущение, что за ним ведется наблюдение, это - определитель напряжения между его стремлениями и требованиями «Сверх-Я»; а лежащий в основе всех этих взаимоотношений страх перед этой критической инстанцией, потребность в наказании выражает влечение «Я», ставшее под влиянием садистского «Сверх-Я» мазохистским, то есть использует часть имеющегося в нем влечения к внутреннему разрушению для эротической связи со «Сверх-Я»⁴⁴. Это описание в точности соответствует тому, что З. Фрейд немного позже назовет «моральным мазохизмом». Однако та ситуация, которую оно фиксирует, отличается от «нормы» лишь по уровню и по эротической интенции. В классическом варианте мужчина-субъект бесконечно колеблется между взаимоисключающими требованиями (мужского) «Я-идеала» и «Сверх-Я», желая одновременно и любить отца, и быть отцом, но не располагая возможностью реализовать ни то, ни другое. Мужчина-субъект, являющийся моральным мазохистом, отказался

от желания быть отцом и мог в действительности перейти от отцовского «Я-идеала» к материнскому и от идентификации с отцом к идентификации с матерью. Но он полон горячей приверженности к суровостям «Сверх-Я». Фемининный мазохист, о котором я буду говорить ниже в этой главе, буквально воспринимает фантазию битья и делает свое тело ареной этой жестокой драмы.

Христианский мазохизм

Исследование Т. Рейка *Мазохизм в сексе и обществе*, несмотря на свой исчерпывающий характер, заставляет нас снова обратиться к данной теме в силу двух причин: во-первых, из-за жесткой критики в его адрес Ж. Делеза и, во-вторых, из-за чрезмерного интереса автора к формальным чертам этой патологии. Хотя исследование начинается с описания мазохизма как сексуальной перверсии, описания, содержащего примеры чрезвычайно необычных фантазий, к одной из которых мы позже вернемся, в его фокусе прежде всего оказывается моральный (или, по Т. Рейку, «социальный») мазохизм. Ученый характеризует этот психический феномен как замкнутый и аутореферентный и ассоциирует его с эксгибиционизмом или «демонстративностью», революционной страстью, а также с «тревожным ожиданием» - сочетание, которое, на первый взгляд, кажется парадоксальным. Как я попытаюсь показать, некоторые составляющие этого определения явно возвращают нас к модели морального мазохизма, которую З. Фрейд связывает с механизмом «Я»/«Сверх-Я»; другие же указывают на совсем иную парадигму.

Подобно З. Фрейду, Т. Рейк подчеркивает, что в моральном или социальном мазохизме субъект действует и как жертва, и как мучитель, обходясь без потребности в каком-либо внешнем объекте. Даже когда наказание, кажется, исходит из внешнего мира, оно, в действительности, является результатом ловкой бессознательной манипуляции с «неблагоприятными случаями»⁴⁵. Психическая структура морального мазохизма, следовательно, удивительно автономна: «.. социальный мазохизм рождается из промежуточной фазы развития фантазии, когда личность, причиняющая боль, и личность, испытывающая боль, идентичны, **обезличивая** (выделено мной. - К.С.) одновременно и объект, и субъект. Так и в мазохистском отношении к жизни обычно нет объекта, отличимого от того, кто доставляет страдание, и независимого от «Я». Он, несомненно, существует в фантазии, но не проявляется в реальности и остается в тени, где сливается с «Я». Этот тип мазохистской личности действует практически аутоэротично»⁴⁶. Однако Т. Рейк не выдвигает «Сверх-Я» на авансцену морального мазохизма; любопытно, что в его тексте внутренний механизм наказания остается нерасшифрованным. Кроме того, в рамках морального мазохизма он отводит фантазии более привилегированное положение, чем это де-

лает З. Фрейд; по сути дела он утверждает, что фантазия играет главную структурирующую роль как в моральном мазохизме, так и в мазохизме, который он называет «перверсивным». Здесь вновь акцент делается исключительно на «Я»; даже когда в этих фантазиях возникают другие фигуры, они по существу остаются историями с одним персонажем. В итоге Т. Рейк заявляет, что фантазии, лежащие в основе мазохизма, связаны исключительно с подсознанием, и что они всегда выражают одно и то же желание - желание быть вознагражденным за хорошее поведение. Следовательно, если они неизменно и драматизируют страдания и неудачи фантазирующего субъекта, так это «только затем, чтобы финальная победа стала как можно более славной и триумфальной»⁴⁷. ...

Второе из перечисленных выше качеств - эксгибиционизм или «демонстративно сть» - Т. Рейк считает неотъемлемой чертой не только морального или социального мазохизма, но всякого мазохизма вообще: «... нельзя не учитывать того факта, что в любой форме мазохизма демонстрируются и, так сказать, выставлены напоказ страдание, дискомфорт, унижение и позор... В практиках мазохистов это самообнажение и выставление напоказ со всеми сопутствующими им психическими феноменами играют столь значительную роль, что возникает необходимость признать постоянную связь между мазохизмом и эксгибиционизмом»⁴⁸. Как мы увидим ниже в этой главе, демонстративно сть занимает видное место в описании Т. Рейком фемининного или «перверсивного» мазохизма. Однако многие из самых ярких примеров эксгибиционизма, им приводимых, берутся из практики морального или социального мазохизма. И вновь это ставит ученого в оппозицию к З. Фрейду с его утверждением, что в моральном мазохизме желание «Сверх-Я» причинять боль обычно «кричаще» очевидно, тогда как желание «Я» быть наказанным, как правило, ускользает от внимания и самого субъекта, и остальных. Как же нам объяснить это расхождение?

Беглый обзор примеров Т. Рейка наводит на мысль, что его внимание, видимо, было сфокусировано на иной разновидности морального мазохизма, нежели та, которая была высвечена З. Фрейдом, то есть, что его интерес мог быть в конечном счете связан с христианским мазохизмом, даже там, где он рассматривает скорее светские случаи. Он не только посвящает целую главу «парадоксам Христа», но и берет большинство других случаев морального мазохизма, им цитируемых, из житий святых и мучеников. Как и во фрейдовском описании морального мазохизма, типичный субъект у Т. Рейка, кажется, со всей страстью предается самоумерщвлению самого разного рода (одна общая мера наказания функционирует как нечто подобное окну на экране дисплея, открывающего «Бенедикт, катающийся по шипам*, Макарий, сидящий голым на муравейнике, [и] Антоний, непрестанно бичующий себя»⁴⁹), однако психи-

* Св. Бенедикт, чтобы избежать дьявольского искушения, лег обнаженным в крапиву и шипы, растущие перед его гротом (прим. пер.).

ческий механизм здесь совершенно иной⁵⁰. Прежде всего, присутствие зрителей является структурной необходимостью, хотя они могут быть как земными, так и небесными. Во-вторых, в центре показа - тело, независимо от того, едят ли его муравьи или терзает огонь. И, наконец, за всеми этими «сценами» или «экспонатами» есть главная картина или коллективная фантазия: Христос, пригвожденный к кресту, его голова в терновом венке, кровь, капающая из его ран. Здесь подвергается истязанию не столько тело как «плоть», а то, что за ним - грех как таковой и весь падший мир.

Последняя мишень ставит христианского мазохиста в оппозицию к обществу, в котором он живет, делает из него мятежника и даже своего рода революционера. В этой особой разновидности морального мазохизма, таким образом, присутствует сильный гетерокосмический импульс - желание придать миру совершенно иную форму, выстроить иной культурный порядок. Образцовый христианский мазохист также стремится сконструировать себя по модели страдающего Христа, истинного воплощения земных лишений и утрат. В той мере, в какой подобная идентификация предполагает полное и абсолютное отрицание всех фаллических ценностей, христианский мазохизм включает в себе глубокий подтекст кастрирования и в своих наиболее чистых формах сущностно не совместим с претензиями на маскулинность⁵¹. И поскольку его исходный образец - скорее субъект-мужчина, а не субъект-женщина, этот подтекст, по всей видимости, невозможно игнорировать. Следует отметить, что христианство переосмыслило также и патерналистскую традицию; в конце концов, именно благодаря положению [сына], которое он занимает в небесной иерархии, Христос утверждается в роли страдающего и лишенного тендерных признаков.

Качество демонстративности, по моему мнению, делает весьма уязвимой посылку Т. Рейка, что движущей силой морального мазохизма является победа и вознаграждение «Я». Т. Рейк дает понять в одном фрагменте, что моральный мазохист стремится быть «вознесенным на невидимый пьедестал»⁵², но отрывок, процитированный мной выше, полностью опровергает эту формулировку. В нем ученый хотя и связывает все формы мазохизма с эксгибиционизмом или саморекламой, но одновременно признает, что в мазохистской практике бросается в глаза скорее не величие или триумф субъекта, а его «страдание», «дискомфорт», «унижение» и «позор». Помимо того, признак демонстративности противоречит идее, что моральный мазохизм представляет собой в целом совершенно замкнутую систему, поскольку в нем - по крайней мере, в христианских примерах у Т. Рейка - взгляд явно сфокусирован на действии, будь то земная или небесная сцена. Существуют и иные способы, посредством которых моральный мазохизм открывается миру, по отношению к которому он якобы закрыт, независимо от того, принимает ли он форму, описанную З. Фрейдом, или форму, сконструированную Т. Рейком. «Сверх-Я» является результатом интроекции отцовской функции, а «Я» - идентификации субъекта как со

своим собственным телесным имаго, так и с целой серией других внешних образов. Тем самым, внутренняя драма оказывается преломлением семейной структуры, сущностно связанной со всем социальным порядком. Христианский мазохизм, как мы уже увидели, включает в себя подобную систему идентификации⁵³.

Последнее из качеств, ассоциируемых Т. Рейком с моральным мазохизмом, - «тревожное ожидание» - кажется, является ядром всех форм мазохизма и, вдобавок, одним из условий, из которых развивается типичная потребность в подчинении. Т. Рейк несколько усложняет смысловую структуру этого термина, связывая его с неопределенностью, медлительностью, предвосхищением удовольствия или неудовольствия, внешней бесконечностью и, наконец, возбуждением. Мазохизм тем или иным образом развивает эти темы, потому что он всегда стремится увеличить длительность подготовительной стадии и ритуала за счет кульминации и достижения цели. Поскольку в моральном мазохизме это предполагает бесконечную отсрочку момента, в который страдание уступает место вознаграждению, а победа - поражению, тревожное ожидание явно способствует обеспечению приоритета боли над наслаждением и, в результате, дальнейшему разрушению «Я»...

Моральный мазохист у З. Фрейда также живет в тревожном ожидании, но без перспективы искупительного финала-наслаждения. Здесь тревожное ожидание оказывается двуликим. Оно означает как бесконечное откладывание либидинального удовлетворения, так и постоянное состояние беспокойства и страха, которое является результатом этой задержки и безжалостного контроля «Сверх-Я». Конечно, формы тревожного ожидания свойственны не только моральному мазохисту; они также являются элементом культурного наследия даже самых традиционно структурированных субъектов. Первого от последних отличает лишь то, что его или ее «Я» стремится скорее усилить, чем ослабить данное напряжение либо через совершение проступков, которые затем повлекут наказание, либо - более классический случай - через свое педантичное повиновение. З. Фрейд предупреждает нас, что, чем точнее «Я» соответствует требованиям «Сверх-Я», тем более жестоким и суровым становится этот механизм цензуры⁵⁴. Таким образом, кажется, что «добродетель» у «Я» может действительно стать заявкой на избиение: моральный мазохист пытается интенсифицировать обе формы тревожного ожидания, столь (внешне) нетерпимые для «морального» субъекта. З. Фрейд совершенно ясно формулирует свое мнение по поводу угрозы, которую вышесказанное представляет для стабильности и здоровья «Я», замечая в *Экономической проблеме мазохизма*, что ради провоцирования наказания от [«Сверх-Я»] «мазохист должен делать нечто нецелесообразное, работать против собственной выгоды, разрушать те перспективы, которые открываются ему в реальном мире и, возможно даже, покончить со своим реальным существованием»⁵⁵.

Фемининный мазохизм

Позвольте мне перейти теперь к фемининному мазохизму, используя работу *Ребенка бьют*, без сомнения являющуюся наиболее важным текстом для понимания данной перверсии. Существенно, что, хотя З. Фрейд концентрирует здесь внимание преимущественно на пациентках-женщинах, ему удается сформулировать мазохистское желание, которое он приписывает им, лишь прибегая к помощи одного из своих пациентов-мужчин, озвучивающего то, чего не могут они, а именно: вторую фазу фантазии битья⁵⁶. Разрешите мне осуществить обратную операцию и подойти к мужской версии фантазии битья через ее женский аналог. Это позволит нам увидеть, насколько радикально такая фантазия нарушает различие полов.

Женская фантазия включает три фазы, первая и третья из которых доступны анализу, но вторая остается в сфере подсознания. Здесь приводится их полная последовательность, согласно тому, как их «лечил» З. Фрейд (фразы в квадратных скобках представляют либо его собственные интерполяции, либо добавления, сделанные пациентом по его подсказке):

Фаза 1: «Отец бьет ребенка, [ненавистного мне].»

Фаза 2: «Я избиваюсь отцом.»

Фаза 3: «Каких-то мальчиков бьют. [Я, наверное, наблюдаю.]»

З. Фрейд говорит по поводу первой фазы, что она не является ни отчетливо сексуальной, ни садистской, но представляет собой «тот материал, из которого обе должны позднее возникнуть»⁵⁷. Он добавляет, что она не обязательно может быть составной частью собственно фантазии, а просто являться воспоминанием, из которого впоследствии развивается эта фантазия. Она придает эротическое значение, которое возникает по принципу обратного действия, значение, транслируемое З. Фрейдом во фразе «Отец не любит этого другого ребенка, он любит лишь меня».

Эдипово желание и его запрет вступают в игру между первой и второй фазами фантазии битья. Ставя себя на воображаемой сцене в положение, прежде занятое другим ребенком, девочка делает себя объектом наказания со стороны отца и поэтому искупает свою инцестуозную вину. Эта новая фантазия вызывает интенсивное чувство наслаждения, указывающее, однако, как на эротическое, так и на «карательное» содержание. Вторая фаза («Я избиваюсь отцом»), таким образом, оказывается механизмом, осуществляющим регрессию к более ранней стадии сексуальности; иными словами, желание, заблокированное в районе гениталий, реализуется вместо этого в районе ануса.

В силу своего запретительного смысла вторая фаза подвергается репрессии. Она замещается на уровне сознания третьей фазой, которая маскирует идентичность как избиваемого, так и осуществляющего наказание. Множе-

ство мальчиков теперь заменяет маленькую девочку, а заместитель из отцовского ряда - отца. Фантазирующий субъект вписывается в этот сценарий в качестве неопределенного зрителя⁵⁸. Первая и третья фазы представляются садистскими. Лишь вторая фаза - безоговорочно мазохистская.

Исходя из той же логики, которая побудила господина Д. из короткой новеллы Э. По оставить похищенное письмо на открытом месте, З. Фрейд обезоруживает своего критика, допуская, что можно сделать совсем иные выводы относительно второй фазы; он признается, что сам придумал такую последовательность стадий фантазии и сделал ее основой всей своей интерпретации: «Эта вторая фаза - самая важная из всех, и она больше других отягощена последствиями. Но о ней, в известном смысле, можно сказать, что она никогда не имела реального существования. Ни в одном из случаев ее не вспоминают, ей так и не удалось пробиться к осознанию. Она представляет собой аналитическую конструкцию, но из-за этого ее необходимость не становится меньшей»⁵⁹. Каждый раз, когда я читаю этот отрывок, меня сразу же парализует как смелость признания З. Фрейда, так и мысль о том, что подвергать сомнению право ученого говорить таким образом относительно его пациенток-женщин означало бы направить мое риторическое искусство на защиту «реального» в противовес «сконструированному», «подлинному» в противовес «неподлинному».

Однако, преодолевая, как я всегда пытаюсь сделать, этот паралич, я не обнаруживаю в описании З. Фрейдом второй фазы ничего, что можно было бы оспорить, за исключением того факта, что он находит искомое им в истории болезни одного из его пациентов-мужчин. Смена активной формы глагола «бить» на страдательную форму от первой фазы к третьей может осуществляться только через посредство бессознательной трансформации, которая связана со второй фазой. Иными словами, переход от первой фазы к третьей ведет субъекта от гетероагрессии к тому, что внешне является садизмом, и, следовательно, от простого самосохранения к сексуальности. Как неоспоримо доказал Ж. Лапланш, это смена обуславливает не только связь сексуальности с агрессией (то есть с инстинктом смерти), но и обращение этой сексуализированной агрессии на личность самого фантазирующего субъекта⁶⁰. Лишь при втором изменении ныне эротизированная агрессия может быть вновь перенаправлена на внешний объект, на этот раз - в форме садизма. Я, поэтому, склонна согласиться с З. Фрейдом, что то, что он выделяет как вторую фазу, имеет место после третьей фазы и что в этот более поздний момент неявно происходит мазохистская идентификация с избитым ребенком.

В то же время я не думаю, что вторая и третья фазы могут вообще не реализоваться или что желание боли, доставляющей наслаждение, исчерпывает смысл последней из них. Больше внимания следовало бы уделить здесь эксплицитному содержанию сознательной фантазии и замене в ней девочки на мальчиков. Финальная фаза свидетельствует о трех деструктивных желаниях,

по поводу которых З. Фрейд не высказывается, но которые настойчиво требуют моего внимания: во-первых, желание, чтобы именно мальчиков, а не девочек, любили/наказывали таким способом; во-вторых, желание быть мальчиком, когда с тобой так обращается отец; и, наконец, желание занять позицию мужчины-субъекта в некотором более общем смысле, но скорее под знаком феминности, чем маскулинности.

Эти три желания очевидно пересекаются в одном пункте - нарциссическом занятии субъект-позиции, что было бы нарушением для мужчины и практически немислимым для женщины, поскольку оно предполагает идентификацию с мужской гомосексуальностью. Почему же данная идентификация выходит столь далеко за социальные рамки? Потому что даже то, что обычно принимается за «девиацию», считается признанной и «управляемой» парадигмой, то есть тем, что подкрепляет бинарную логику различия полов, несмотря на ее инвертирование. Таким образом, если женщина не идентифицируется с классической женской позицией, ожидают ее идентификации с классической мужской, и *vice versa** в случае с мужчиной. Женская версия фантазии битья, следовательно, фиксирует стремление к образным вариациям, которые оказываются вне пределов психоаналитической парадигмы.

В двух случаях З. Фрейд близко подходит к тому, чтобы прокомментировать последнее из перечисленных выше желаний, но оба раза он отступает от того, что находится на периферии его исследования. В конце четвертой части он замечает, что: «Когда они [девочки] отворачиваются от инцестуозной любви к отцу с ее генитальным смыслом, они вообще с легкостью порывают со своей женской ролью, оживляют свой «комплекс мужественности»... и впредь желают быть исключительно мальчиками. Поэтому и мальчики для битья из их [фантазий], представляющие их самих, - это именно мальчики»⁶¹. Здесь З. Фрейд не замечает противоречия между обладанием «комплекса мужественности» и представлением о себе как о множестве «мальчиков для битья». Ниже, однако, он указывает, что идентификация девочки с мужской ролью не предполагает идентификации с соответствующим поведением («[девочка] в своих фантазиях воображает себя мужчиной, не делаясь сама по-мужски активной»⁶²).

В шестой части работы *Ребенка бьют* З. Фрейд дает понять, что в третьей фазе фантазии битья женщина-субъект исполняет не только одну, но *две* нетрадиционные маскулинные роли. Описывая различные изменения, происходящие в процессе развития фантазии битья, он прямо утверждает, что в третьей фазе девочка меняет свой пол, воображая себя мальчиками⁶³. Несколькими страницами ниже ученый, однако, указывает, что как зритель сцены битья девочка исполняет иную роль, которая служит индикатором нарушенной маску-

* В обратном порядке (лат.) (прим. пер.).

линности. Заметив, что девочка «в своих фантазиях воображает себя мужчиной, не делаясь сама по-мужски активной», он добавляет, что она «уже лишь в качестве зрителя присутствует при том акте, которым замещается у нее половой акт»⁶⁴.

Первая из этих маскулинных ролей - роль (пассивной) мужской гомосексуальности - характеризуется тем, что мужчина-субъект помещает себя в маскулинную версию фантазии битья, и поэтому она приобретает подчеркнuto материнский смысл; по мысли З. Фрейда, она «происходит от женственной установки по отношению к отцу»⁶⁵, то есть из негативного Эдипова комплекса. Мужчина-субъект, таким образом, обеспечивает себе доступ к фемининности путем идентификации с матерью. Женщина-субъект, превращая себя в фантазиях в «мальчиков для битья», получает в свою очередь воображаемый доступ к этой «заимствованной» фемининности через образ мужского тела. В результате фемининность полностью утрачивает свои сущностные качества и одновременно постулируется как главный ориентир благодаря возникновению удивительной системы переключения между двумя версиями фантазии битья. Но в этом случае также появляется неизбежное различие, ибо для девочки в социальном или даже в психическом плане быть любимой/избитой отцом - совсем не то же самое, что для мальчика. Через свою идентификацию с «мальчиками для битья» в третьей фазе девочка устанавливает воображаемую связь не только с феминизированной маскулинностью, но и с тем, что лежит в основе этого различия. Не здесь ли рождается сексуальное отношение?

Менее ясно, каким образом роль зрителя у девочки в третьей фазе приобщает ее к «немужественной» маскулинности. Потребность в созерцании эротических сцен была жестко закодирована в западной культуре как форма мужской деятельности и ассоциировалась с агрессией и садизмом. В нашем случае, однако, маскулинность, агрессия и садизм безусловно также присутствуют, концентрируясь в образе заместителя из отцовского ряда, который осуществляет наказание. Как и ребенок в главной сцене, виртуальный зритель скорее подчиняется, чем подчиняет. Пробный характер исполнения пациентками З. Фрейда этой роли («Я, наверное, наблюдаю»), указывает на ее аморфность; здесь речь идет скорее не о контролирующем, а о наблюдающем взгляде, благодаря которому происходит идентификация с группой мальчиков.

Прежде чем закончить разговор о женской фантазии битья, мне хочется отметить бросающееся в глаза отсутствие местоимения «Я» в тех ее эпизодах, которые доступны сознанию, если не считать беглой характеристики процесса наблюдения; действительно, оно фигурирует, что весьма знаменательно, только во фразе, являющейся «конструкцией психоанализа» - деталь, которую я связываю с гетеропатической идентификацией (см. одну из последующих глав моей монографии *Муэсская субъективность в маргиналиях*). Гетеропатическая идентификация является обратной стороной идеопатической идентификации;

в то время как последняя соответствует корпоративной модели, конструирующей «Я» за счет другого, который в результате «поглощается», первая следует экстерииорирующей логике и помещает «Я» на место другого. При гетеропа-тической идентификации один живет, страдает и испытывает наслаждение посредством другого⁶⁶. В третьей фазе женской фантазии битья этот другой, несомненно, - мужчина-субъект.

В мужском варианте фантазии битья все три фазы, включая сознательную, начинаются с утверждения местоименной принадлежности. Субъект-позиция, предусмотренная каждой фазой, однако, поворачивает это «Я» в «фемининном» направлении:

Фаза 1: «Я любим отцом.»

Фаза 2: «Я избиваюсь отцом.»

Фаза 3: «Я избиваюсь матерью.»

Кроме того, фантазии битья, в которых признавались З. Фрейду его пациенты-мужчины, в меньшей степени цензурировались и искажались, чем в рассказах его пациенток. Единственное значительное различие между сознательным сценарием (третья фаза) и бессознательным сценарием (вторая фаза) касается идентичности личности, осуществляющей наказание; сознательная фантазия передается словесной формулой «Я избиваюсь матерью», тогда как бессознательная - «Я избиваюсь отцом»⁶⁷. Но даже эта маскировка легко изнашивается, поскольку избивающая женщина проявляет столь агрессивно-маскулинные качества, что, несомненно, становится похожей на фигуру отца. (Первая фаза, которая предположительно скрывается за второй, не доступна сознанию).

В конечном итоге, несмотря на некоторые усилия по сокрытию *гомосексуального* содержания сознательной фантазии, не делается никакой адекватной попытки утаить ее *мазохистское* содержание; оба пациента-мужчины, обследованные З. Фрейдом, как и упомянутые Р. фон Краффт-Эбингом, Т. Рейком и Ж. Делезом, открыто «щеголяют» своим желанием быть наказанными и униженными как в их сознательных фантазиях, так и в их сексуальной практике. Мы, очевидно, находим здесь крайний пример того, что Т. Рейк называет «демонстративным признаком». В сознательных фантазиях четырех пациенток, напротив, мазохизм скрыт за садизмом, хотя он и более совместим с их культурной позицией.

Что же точно демонстрирует мужчина-мазохист и каковы последствия этого самообнажения? Прежде всего, он с упорством и не соблюдая меры создает базовые условия культурной подчиненности, условия, которые обычно отвергаются. Он громогласно заявляет, что его понимание идет к нему от Другого, он унижается перед надзирающим оком каждый раз, когда выступает в роли просителя, выставляет на всеобщее обозрение свою половую ущербность и упивается жертвенной составляющей социального контракта. Мужчина-мазо-

хист преувеличивает неудачи и барьеры, на которых основывается культурная идентичность, отказываясь от компенсации и вознаграждения. Он излучает негативную энергию, враждебную социальному порядку...

Склонность к обезличиванию еще более заметна в фемининном мазохизме, чем в моральном (или, по крайней мере, христианском); это вполне естественно, принимая во внимание его сущностную связь с позиционированием субъекта и тендерными «ролями». [В опущенной части этой главы] нами тщательно рассматривался один чрезвычайно яркий ментальный маскарад, который меняет возраст своего «автора», его историческое время, его национальную идентичность, а также обстоятельства его жизни (и смерти). Создатель фантазии Молоха конструирует для себя, кроме того, иные идентичности, включая ту, где он является португальцем, ставшим узником ацтеков, которые сначала заставляют его смотреть, как с нескольких мужчин живьем сдирают кожу, а затем подвергают его той же участи. Р. фон Крафт-Эбинг приводит многочисленные случаи мужчин-мазохистов, которые исполняли роль раба или пажа, а другие предпочитали роли собаки, лошади, животного, отправленного на бойню, поверхности (например, пола), по которой ходят женщины, и сосуда для мочи, экскрементов и менструальной крови. «Герой» Венеры в *мехах* Я. фон Захер-Мазоха в основной части этого романа принимает облик слуги, а ближе к финалу - быка⁶⁸.

Те, кто практикуют фемининный мазохизм в сексуальной форме, обычно расширяют этот маскарад также за счет включения в него персонажа, причиняющего боль или унижение, и, еще шире, всей «сцены» эротического приключения, в результате переделывая мир. Гетерокосмический импульс сразу бросается в глаза в *Венере в мехах*, где Северин и Ванда действительно оставляют страну, в которой живут, ради другой, где им было бы легче выдавать себя за госпожу и раба. Здесь встает важный вопрос: или этот гетерокосмический импульс полностью исчерпывает себя в будуаре, или «игра» распространяется также на социальные отношения, оскверняя тендерные, классовые и расовые приличия⁶⁹.

3. Фрейд утверждает, что не только на уровне своей сексуальной жизни, но также и на уровне своих фантазий и своего *toi* мужчина-мазохист занимает женскую позицию. В *Ребенка бьют* он пишет, что фемининность для мужчины-мазохиста приобретает статус «субъективной достоверности»⁷⁰, то есть он дает понять, что тот ощущает себя женщиной в самой сердцевине своего желания и своей идентичности. В заключительной части *Ребенка бьют* он также отмечает, что фантазия телесного наказания проявляется только у «женоподобных мальчиков» и «мужеподобных девочек» и что именно «ответственность за возникновение пассивной фантазии у мальчика и ее вытеснение у девочки следует возложить на черты женственности в мальчике и мужественности в девочке»⁷¹. Степень, с которой эта фемининность проявляется в сознательной

жизни мужчины-мазохиста, зависит, конечно, от силы «мужского протеста»⁷², который он обращает против нее, то есть от того, защищается ли он или нет от «женщины» внутри себя. Показательно, однако, что третья фаза мужской версии фантазии битья не содержит ни одной попытки замаскировать мазохистскую позицию фантазирующего субъекта, хотя, когда речь заходит о его гомосексуальности, она демонстрирует некоторую скрытность. Более того, по иронии, смена отца на мать в качестве агента наказания на самом деле способствует акцентированию фемининности мужчины-мазохиста, поскольку она приводит к столь радикальной и абсолютной перемене традиционных тендерных ролей.

3. Фрейд делает в *Ребенка бьют* удивительное наблюдение: в мазохистском подсознании - и в мужском, и в женском - нет следов желания быть любимым отцом, то есть табуированного желания, из которого будто бы рождается вся ситуация мазохизма. При регрессии на анальную стадию сексуальности мазохисту удастся, по-видимому, уничтожить всякое воспоминание о том варианте Эдиповой генитальной организации, который обычно считается позитивным для девочки и негативным для мальчика: «Все то, что для сознания оказывается вытесненным и замещенным, в бессознательном сохраняется и остается дееспособным. Иначе обстоит дело с эффектом регрессии на более раннюю ступень сексуальной организации. О ней мы вправе полагать, что она изменяет и положение дел в бессознательном, так что после вытеснения у обоих полов в бессознательном остается если и не (пассивная) фантазия быть любимым отцом, то все же мазохистская фантазия быть им избиваемым»⁷³. Если верить З. Фрейду в этом вопросе, то мужской мазохизм представляет собой настоящее герменевтическое преступление. Отрывок, только что мною процитированный, указывает, что первая фаза мужской фантазии битья («Я любим отцом») в *полной мере* является психоаналитической конструкцией, причем в гораздо большей степени, чем это можно сказать по поводу второй стадии женской версии. Текст также свидетельствует, что бессознательная природа данной фантазии всецело исчерпывается второй фазой, которая, как было мной уже отмечено, отличается от третьей фазы только тендерной принадлежностью персонажа, осуществляющего наказание. Здесь нет никакого резкого разрыва между эксплицитным и имплицитным содержанием. Нет необходимости искать дверь в подсознание, она уже слегка приоткрыта и готова поддаться при малейшем давлении.

Имеются также и другие подтексты. Если нельзя найти в подсознании никаких следов желания быть объектом генитальной любви отца, мужчина-мазохист не может быть подчинен путем замены хлыста пенисом. Его (практически) подавленное желание прямо препятствует какому бы то ни было примирению между отцом и сыном, неопровержимо свидетельствуя о нарушении семейного и культурного контракта. Более того, его сексуальность следует рас-

смагтривать как всецело находящуюся во власти инстинкта смерти, как лишённую какой-либо возможной продуктивности или позитивной функции. Не удивительно, что З. Фрейд отказывается обещать психоаналитическое «выздоровление» в случае с фемининным мазохистом⁷⁴.

- 1 Freud, S. *Three Essays on the Theory of Sexuality*, in Freud, S. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works*, trans. J. Strachey (London: Hogarth Press, 1953), vol. 7, p. 150. Перевод дан по изданию: Фрейд З. «Три очерка по теории сексуальности», Фрейд З. *Психология бессознательного* (М.: Просвещение, 1990), с. 133.
- 2 Freud, S. *Three Essays...*, p. 149. Перевод дан по изданию: Фрейд З. «Три очерка...», с. 133.
- 3 Laplanche, J. *Life and Death in Psychoanalysis*, trans. J. Melhman (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976), p. 28, 30.
- 4 Foucault, M. *The History of Sexuality*, vol. I: *An Introduction*, trans. R. Hurley (New York: Vintage Books, 1980), p. 47-48.
- 5 *Semiotext(e)*, vol. 4, no. 1, 1981.
- 6 Chasseguet-Smirgel, J. *Creativity and Perversion* (New York: Norton, 1984), p. 12.
- 7 Freud, S. *Three Essays...*, p. 157-158. Перевод дан по изданию: Фрейд З. «Три очерка...», с. 139.
- 8 Freud, S. *The Ego and the Id*, in Freud, S. *Standard Edition...* vol. 19, p. 41.
- 9 Deleuze G. *Masochism: An Interpretation of Coldness and Cruelty*, trans. J. McNeil (New York: George Braziller, 1971).
- 10 См.: Bataille, G. «The Use Value of D. A. F. de Sade», in *Visions of Excess: Selected Writings, 1927-1939*, trans. A. Stoekl (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985), p. 91-102; Idem. *Literature and Evil*, trans. A. Hamilton (New York: Urizen Books, 1973), p. 83-107.
- 11 Barthes, R. *Sade, Fourier, Loyola*, trans. R. Miller (New York: Hill and Wang, 1976), p. 15-37, 123-171.
- 12 Gallop, J. *Intersections: A Reading of Sade with Bataille, Blanchot, and Klossowski* (Lincoln: University of Nebraska Press, 1981).
- 13 *Obliques*, no. 12 & 13, 1977.

- 14 Я часто возвращалась к этой теме в течение последних восьми лет, но всегда на литературном и кинематографическом материале. См., напр.: Silverman, K. «*Histoire d'O: The Story of a Disciplined and Punished Body*», *Enclitic*, vol. 7, no. 2, 1983, p. 63-81; Idem. «Changing the Fantasmatic Scene», *Framework*, vol. 20, p. 27-36; Idem. «Male Subjectivity and the Celestial Suture: *It's a Wonderful Life*», *Framework*, vol. 14, 1981, p. 16-21; Idem. «Masochism and Subjectivity», *Framework*, vol. 12, 1980, p. 2-9. На этот раз подход будет более подчеркнута теоретическим и спекулятивным.
- 15 Freud, S. «The Economic Problem of Masochism», in Freud, S. *Standard Edition...* vol. 19, p. 159.
- 16 См.: Freud, S. «Economic Problem of Masochism», p. 166; Idem. «Dostoevsky and Parricide», Freud, S. *Standard Edition...* vol. 21, p. 179.
- 17 Freud, S. «Economic Problem of Masochism», p. 161.
- 18 Ibid., p. 162. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Экономическая проблема мазохизма II* Захер-Мазох Л. фон. *Венера в мехах*. Делез Ж. *Представление Захер-Мазоха*. Фрейд З. *Работы о мазохизме*. М., 1992, с. 353.
- 19 Freud S. *The Ego and the Id*, p. 26. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Я и Оно*, Фрейд З. *Психология бессознательного*, с. 433.
- 20 Ibid., p. 26f.
- 21 Freud, S. «Economic Problem of Masochism», p. 165. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Экономическая проблема мазохизма*, с. 358.
- Ibid., p. 161.
- 22
- 23 Freud, S. «Economic Problem of Masochism», p. 162. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Экономическая проблема мазохизма*, с. 353.
- 24 Freud, S. «A Child is Being Beaten», Freud, S. *Standard Edition...* vol. 17, p. 175-204.
- 25 Самое ключевое из фрейдовских замечаний по этому вопросу, конечно, является центральным для настоящего обсуждения — замечание, что хотя «фемининность» может в действительности подразумевать пассивность и во многих случаях мазохизм, не существует обязательной связи между «женщиной» и «фемининностью». О крайне интересной дискуссии по поводу соотношения между этими двумя категориями см.: Freud, S. *Civilization and its Discontents*, Freud S. *Standard Edition...* vol. 21, p. 105f.

- 26 Krafft-Ebing, R. von. *Psychopathia Sexualis: A Medico-Forensic Study*, trans. F S. Klaf (New York: Stein and Day, 1965), p. 86-143.
- 27 Reik, Th. *Masochism in Sex and Society*, trans. M H. Beigel and G. M. Kurth (New York: Grove Press, 1962), p. 243.
- 28 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 194-198.
- 29 Reik, Th. *Masochism...*, p. 216.
- 30 Я заимствую понятие «разрушительный» (*shattering*) у Лео Берсани, который под робно разрабатывает его в своей известной книге *Тело по Фрейдю: Психоанализ и искусство*. См.: Bersani, L. *The Freudian Body: Psychoanalysis and Art* (New York: Columbia University Press, 1986).
- 31 Freud, S. «The Economic Problem of Masochism», p. 169.
- 32 Ibid.
- 33 Ibid. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Экономическая проблема мазохизма*, с. 362.
- 34 В *Словаре психоанализа* Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис утверждают, что «жизнь субъекта в целом... кажется, формируется и управляется тем, что можно определить, акцентируя структурирующую роль этого действия, как «фантазматическое». Не следует понимать это просто как тематическое - ни даже как то, что характеризуется отличными специфическими чертами для каждого субъекта, - ибо оно имеет свою собственную динамику, в которой структуры фантазии стремятся выразить себя и проникнуть в сознание и действие, и они постоянно используют новый материал» (Laplanche, J. and Pontalis, J.-B. *Language of Psycho-Analysis*, trans. D. Nicholson-Smith (New York: Norton, 1973), p. 317; русский перевод дан по изданию: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. *Словарь психоанализа*, пер. Н. С. Автономова (М.: Высшая школа, 1996), с. 298).
- 35 Freud, S. «Economic Problem of Masochism», p. 169. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Экономическая проблема мазохизма*, с. 362.
- 36 Freud, S. *The Ego and the Id*, p. 53.
- 37 Freud, S. *New Introductory Lectures on Psycho-Analysis*, Standard Edition, vol. 22, p. 60-68.
- Freud, S. *The Ego and the Id*, p. 31-34.

- 39 Freud, S. *The Ego and the Id*, p. 34. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Я и Оно*, с. 437.
- 40 Ibid., p. 54-55.
- 41 Ibid., p. 34. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Я и Оно*, с. 437-438.
- 42 Ibid., p. 37.
- 43 Касательно широкой дискуссии о женской версии негативного Эдипова комплекса и его отношении к феминизму см. четвертую и пятую главы моей работы *Акустическое зеркало: Женский голос в психоанализе и в кино*. См.: Silverman, K. *The Acoustic Mirror: The female Voice in Psychoanalysis and Cinema* (Bloomington: Indiana University Press, 1988). По поводу углубленного анализа мужской версии см.: Bersani, L. *Op. cit.*, p. 49 ...
- 44 Freud S. *Civilization and its Discontents*, p. 136. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Неудобства культуры*, пер. Р. Ф. Додельцева, Фрейд З. *Художник и фантазирование* (М.: Республика, 1995), с. 332.
- 45 Reik, Th. *Masochism...*, p. 304.
- 46 Ibid., p. 333.
- 47 Ibid., p. 314, 315.
- 48 Ibid., p. 72.
- 49 Reik, Th. *Masochism...*, p. 351.
- 50 Существует удивительное сходство между видами унижения, которые Т. Рейк ассоциирует с христианским мазохизмом, и теми его формами, которые Р. Фон Краффт-Эбинг связывает с сексуальной мазохистской перверсией. См., напр., случаи № 80, 81, 82 и 83 в *Сексуальной психопатии* (Richard von Krafft-Ebing. *Op. cit.*).
- 51 Конечно, христианский мазохизм редко существует в форме, здесь мной описанной. Он гораздо чаще используется как средство обеспечения земного или небесного совершенствования, то есть ориентирован на внешнее применение. Рассматривая механизмы, посредством которых может быть достигнуто такое страдание, Т. Рейк ошибочно принимает самоусовершенствование за неотъемлемый компонент христианского мазохизма.

Reik, Th. *Masochism...*, p. 315.

- 53 Здесь также наличествует имплицитный семейный прототип, который обусловлен отношением Бога-Отца к Христу. Христианин моделирует себя по образу после днего и обращает на себя то, что предстает в итоге как «божественное» наказание.
- 54 Freud, S. *The Ego and the Id*, p. 54.
- 55 Freud, S. «Economic Problem of Masochism», p. 169-170. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *Экономическая проблема мазохизма*, с. 363.
- 56 З. Фрейд конструирует вторую фазу фантазии битья у девочки, меняя порядок третьей фазы фантазии битья у мальчика - дискурсивный акт, указывающий на ассиметричную симметрию этих двух версий.
- 57 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 187. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *«Ребенка бьют»: к вопросу о происхождении сексуальных извращений II* Захер-Мазох Л. фон. *Венера в мехах*. Делез Ж. *Представление Захер-Мазоха*. Фрейд З. *Работы о мазохизме*, с. 327.
- 58 Иную оценку *Ребенка бьют* в общем и третьей фазы этой фантазии у девочки в частности см. у Д. Н. Родовика: Rodowick, D. N. *The Difficulty of Difference: Psychoanalysis, Sexual Difference, and Film Theory* (New York: Routledge, 1991), p. 1-17.
- 59 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 185. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *«Ребенка бьют»...*, с. 325.
- 60 Laplanche, J. *Op. cit.*, p. 85-102.
- 61 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 191. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *«Ребенка бьют»...*, с. 332-333.
- 62 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 199. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *«Ребенка бьют»...*, с. 342.
- 63 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 196.
- 64 Ibid., p. 199. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *«Ребенка бьют»...*, с. 342-343.
- 65 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 198. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. *«Ребенка бьют»...*, с. 341.
- 66 Понятия «идеопатической идентификации» и «гетеропатической идентификации» берутся у Макса Шелера. См.: Scheler M. *The Nature of Sympathy*, trans. P. Heath (Hamden (Conn.): Archon, 1970).

- 67 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 198.
- 68 Sacher-Masoch, L. von. *Venus in Furs*, in Deleuze, G. *Op. cit.*, p. 80-130; Deleuze, G. *Op. cit.*, p. 96.
- 69 Мэри Руссо в *Женских гротесках* высказывает ряд очень глубоких соображений по поводу социального и политического подтекстов маскарада. См.: Russo, M. «Female Grotesques: Carnival and Theory», in *Feminist Studies/Critical Studies*, in T. de Lauretis, ed. (Bloomington: Indiana University Press, 1986), p. 213-229.
- 70 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 197.
- 71 Ibid., p. 202. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. «Ребенка бьют»..., с. 346.
- 72 В работе *Ребенка бьют* З. Фрейд пишет, что «...мужской протест достигает, как будто, полного успеха лишь у девочки... У мальчика результат не всецело удовлетворителен, женская линия им не покидается, в своей сознательной мазохистской фантазии мальчик определенно не оказывается "сверху"» (Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 203; русский перевод дан по изданию: Фрейд З. «Ребенка бьют»..., с. 346). В эссе, критикующем статью, из которой родилась эта глава, Пол Смит доказывает, что мазохизм всегда является не более чем случайным моментом в мужской потребности к подчинению (Smith, P. «Action Movie Hysteria, or Eastwood Bound», *Differences*, vol. 1, no. 3, 1989, p. 106). Хотя я совершенно не принимаю этой формулировки, я соглашаюсь с его утверждением, что мазохизм в нарративной форме обычно присутствует в голливудском кинематографе. Это, однако, меньше говорит нам о месте мазохизма в мужской потребности к подчинению, чем о стандартизирующих операциях доминантного литературного дискурса.
- 73 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 199-200. Русский перевод дан по изданию: Фрейд З. «Ребенка бьют»..., с. 343.
- 74 Freud, S. «A Child is Being Beaten», p. 197.